

NEW ADULT
Романтика
ЛЕНЫ СОКОЛ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ЦИКЛ

«Пожарная часть 17»

Огонь

Пожар

Пламя

Искры

ЦИКЛ

MANNER

Игра в ненависть

Доктор Красавчик

ЛЕНА СОКОЛ

Исторы

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Иллюстрация на переплете *Дарьи Кутовой (DAFNA)*

Сокол, Лена.

С59 Искры / Лена Сокол. — Москва : Эксмо, 2025. — 368 с.

ISBN 978-5-04-226008-7

Ева — упрямая и своенравная. Она не уступит в силе ни одному мужчине и каждый день доказывает это на работе, ведь Ева одна из первых женщин-пожарных в стране.

Данила — суровый и непреклонный пожарный дознаватель. А еще тот самый мужчина, который семь лет назад разбил Еве сердце.

Теперь их сводит расследование пожара, в котором пострадал один из их близких. И чем сильнее они углубляются в работу, полную споров, взаимных претензий и остроумных перепалок, тем яснее становится: между ними рождается другое — искреннее и неожиданное чувство.

Стоит лишь на миг ему поддаться — и разлетаются искры!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сокол Е., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226008-7

Линия расследования написана
по мотивам реальных событий.
Имена изменены, все совпадения
случайны.

*Посвящается всем девчонкам.
Верьте, что мы можем всё.
Давайте же ворвемся туда, где нас не ждали!*

ГЛАВА

ЕВА

♪ IOWA — Одно и то же

Про таких обычно говорят — мужик.

Или *мужичище*.

Есть в нем что-то такое... первобытное. Женщины при виде него испытывают головокружение, а мужчины на его фоне выглядят сущими детьми.

Короче, вы поняли. Брутальный, породистый, набитый под завязку тестостероном и уверенностью в себе самец. Несгибаемый, непробиваемый, немногословный. Скала!

Он никогда не улыбается — просто не умеет. Использует свой животный магнетизм как оружие. И ему не приходится тратить время на прелюдии — дамы, оказавшись в его объятиях, я уверена, тут же сами увлажняются до необходимого уровня.

Осознали масштаб личности? Тогда знакомьтесь — Данила Адамов.

Красавец, упрямый самовлюбленный осел и конченный подлец. Угораздило же влюбиться в него семь лет назад! Он был старше меня лет на пять, но казалось, будто между нами — целая пропасть.

В тот день, когда я увидела его впервые, в соседнем квартале случился пожар. Я примчалась туда на своем старом велике. Горела квартира в одной из старых высоток, черный дым вырывался из окон и вился столбом до самых небес. Все жители собрались во дворе и наблюдали за тем, как огнеборцы сражаются с пламенем.

Мой отец тогда руководил тушением. Я видела, как он отдает приказы подчиненным по рации, но решила держаться в сторонке: знала, что папа будет недоволен, увидев меня на месте пожара. Он всегда старался держать меня подальше от своей работы и от огня, а также от чужой беды, которая нередко встречалась пожарным на выездах.

Я замороженно глядела на битву воды и пламени, а в памяти вихрем проносились картинки того дня, когда огонь лишил меня всего, что было дорого. Матери, дома, прошлой жизни. Казалось, будто стихия гипнотизирует, вытягивает из меня все силы. Пламя плясало диким зверем, взвивалось к небу и дразнило своим танцем. Оно словно манило меня к себе, предлагало сразиться.

А потом вдруг расступилось. Дым рассеялся, пропустив вперед темную фигуру: он появился из огня, точно супергерой — сильный, бесстрашный. В перемазанной сажей и копотью боевке, в черной шлемке и с дыхательной маской на лице. Пожарный шагал уверенно и широко. Он нес в руках спасенную старушку — так легко, будто та была невесомой, словно перышко. Бабулька прижималась к плечу спасителя щекой и о чем-то тихо причитала: наверное, ругалась, что он не позволил ей собрать и вынести из квартиры остатки вещей.

Может, в тот момент мое сердце и дрогнуло? Или чуть позже, когда он снял маску. Воспоминания уже размылись. Осталось лишь щемящее ощущение в груди, которое я запомнила навсегда. Вот передо мной его лицо, и время останавливается. Все предметы вокруг теряют краски, звуки затихают. Есть только он. Гребаный Данила Адамов — в тот момент почти как святой лик с иконы, такой божественный и далекий, и к нему так хочется прикоснуться.

А потом вжух — быстрая перемотка!

Все встает на свои места, и ты понимаешь, что ничего уже не будет как прежде. Этот парень запечатлелся в твоей памяти навсегда. Как клеймо, выжженное где-то глубоко в подсознании. Как заноза. Застарелая рана, что временами будет кровоточить, если ее разбередить.

Но тогда я не знала. Я была очарована им. Влюблена с первой секунды.

Боже... Глупая школьница!

И вот проходит семь долбанных лет. Воспоминания о том дне, как и о самом Даниле, чтоб ему икалось, Адамове, пыляться, заброшенные, где-то на дальней полке моего сознания, и вдруг происходит это. Он является мне в бреду. Точнее, в реальности, но лучше бы это было бредом, ведь я планировала забыть о нем навсегда!

Тяжелый выезд. Горит весь верхний этаж, пылают крыша и чердак многоэтажки, все небо над кварталом затянуто дымом. Пот застилает мне глаза, работать приходится буквально на ощупь. Кислород в баллонах у всего нашего пожарного звена на исходе. Мы почти справились, проливаем последнюю квартиру, но тут командир приказывает нам спуститься. Меняет нас на свежих бойцов.

Я вижу, как сменный расчет поднимается в здание. Оказавшись на улице, срываю маску и шлем, сплевываю на траву, вытираю пот грязным рукавом, выдыхаю... и вдруг это. *Мне мерещится, будто передо мной Адамов.* Вырывается из дыма этой своей уже знакомой супергеройской поступью. Что-то несет в руках. Или кого-то. Я зажмуриваюсь и снова распахиваю глаза. Видение не исчезает. Это точно Данила — повзрослевший, возмужавший еще сильнее (если это вообще возможно), с привлекательной растительностью на лице (чертова щетина, будь она проклята, как будто специально создана для его мужественного лица).

На весь двор кричит какая-то женщина, бросается к нему. С трудом до меня доходит, что она рыдает, умоляя спасти ее кота. «Ах вот что у него в руках!»

— Только не это, — бессильно выдыхаю я.

— Что? — оборачивается ко мне Илья, один из моих пожарных братьев.

— Жаль животинку, — качает головой Артём, мой напарник, устремив взгляд в эпицентр событий.

— *Только не он,* — говорю я, принимая из его рук бутылку и делая жадный глоток воды.

Конечно, мне жаль кота — он надыхался угарным газом. Несчастные животные нередко становятся жертвами огня. Но сейчас я имею в виду Данилу — еще б лет сто его не видеть.

— Думаешь, у него получится? — хмыкает Илья, наблюдая, как Адамов на глазах у изумленной толпы проводит еле живому коту реанимационные мероприятия — пальцами надавливая на грудь, качает сердце и периодически вдыхает в его нос воздух.

— Гляди-ка, — удивляется Артём, заметив, как животное вдруг встрепенулось.

Кот задышал, открыл глаза и потрянул головой. Данила передал его на руки рыдающей от счастья хозяйке. Толпа облегченно вздохнула.

— И почему это не крыса, застрывшая в канализации?

Я хмурюсь, заметив на себе удивленные взгляды сослуживцев. Я что, сказала это вслух? Вот же блин.

— Что? — отмахиваюсь я. Спешно отворачиваюсь, чтобы Адамов меня не заметил, и перехожу на сердитый шепот: — Это человек, из-за которого я пошла в академию и стала пожарной.

— Это плохо?

— Он сказал, что мне там не место!

— У-у-у... — дружно мычат они.

Видно, что друзья ждут подробностей, но я спешу к машине. Каждый раз, думая о Даниле, я представляла нашу встречу. Разумеется, это должно было произойти на службе. Он увидел бы меня в обмундировании, и от изумления у него отвисла бы челюсть.

«Женщинам не место в этой профессии!» — эти его слова мне не забыть. Они стали движущей силой, которая помогала мне добиваться все новых высот все последние годы. После него десятки мужчин говорили мне подобное, но их мнение совершенно меня не трогало. Я хотела утереть нос тому единственному, назло которому сделала карьеру в этой сфере! Спала и видела тот день, когда мы столкнемся лицом к лицу и Данила поймет, что проиграл!

Но вот он здесь — всего в паре-тройке метров от меня, и я сбегая. Мечтаю раствориться, исчезнуть, чтобы он не заметил моего присутствия. Потому, что так же, как и семь лет назад, я теряю чертово само-

обладание рядом с ним. Превращаюсь в глупую малолетку, которая втрескалась в подчиненного своего отца и у которой нет ни единого шанса обратить на себя его внимание. Да что со мной не так?!

— Эй, а что, у нас щас в пожарные баб берут? — раздается чей-то голос из толпы.

Твою же мать. Как я это ненавижу...

Поднимаю взгляд. Толпа великовозрастных бездельников, всем немного за тридцать, с бутылками в руках — пришли поглазеть на пожар. Тот, что орал, уже в изрядном подпитии: стоит, пошатываясь и держась за плечо собутыльника. Улыбается во весь рот, в котором не хватает пары зубов. Наслаждается вниманием толпы, а его дружки, готовые в любой момент поддержать, жадно и восторженно ловят любые его слова.

Знаю я таких. Вожак местной кучки придурков. Первый парень на деревне. Мачо недоделанный. Как выпьет, жалуется, какие девки меркантильные пошли, а сам живет с мамкой на ее пенсию, рубится сутками в приставку и никак не может найти работу. Такие всегда громче всех орут, когда выпьют, и готовы с пеной у рта учить женщин, как им варить борщи, рожать детей и помалкивать, пока мужик говорит.

— У тебя что, ПМС? — орет он, взмахивая бутылкой. Его товарищи ржут. — Чо ты так вылупилась на меня?

Я сдерживаюсь из последних сил. Одарить его негодующим взглядом — максимум того, что можно себе позволить. Во-первых, даже если я ему навалю, мозги это ему не вправит: женщина для таких в принципе существо второго сорта. Во-вторых, здесь куча народа. Если кто-то снимет нашу потасовку на теле-

фон, это может дорого мне обойтись. Только дисциплинарных взысканий не хватало.

— Тебе бы успокоиться, приятель, — шагает вперед Артем, закрывая меня собой.

— Чего-о? — мычит мой обидчик недовольно.

— Заглохни, сказал, — бросает ему Илья, угрожающе расправляя плечи и вставая рядом с Артёмом.

Я не просила меня защищать. Могу и сама постоять за себя — не впервой. Но в груди почему-то разливается тепло. Мои ребята не допустят, чтобы мне пришлось защищаться, когда они рядом. И это чувство гасит весь внутренний протест.

— Я же попросил убрать отсюда всех лишних! — ворчит на полицейских из оцепления начальник нашей части Рустам Айдарович, заметив конфликт.

Они тут же реагируют: оттесняют придурков подалее — за сигнальную ленту. Но худшее уже произошло. *Данила Адамов тоже меня заметил.* Я ловлю на себе его взгляд, и у меня падает сердце.

Что? Что он думает?

Желание прочесть его мысли в этот момент заполняет все мое сознание. Вижу, как он хмурит лоб, затем в его светлых глазах вспыхивает блеском осознание — он меня *узнал*. Его ноздри раздуваются, рот удивленно приоткрывается (о, эти губы...), кадык дергается и...

И ничего.

Короткий миг, на который прошлое врывается в настоящее и выбивает землю из-под ног. Данила кивает мне в знак приветствия, я тоже отвечаю коротким кивком. И все. Мы расходимся в разные стороны, но такое ощущение, будто ничего уже не будет, как прежде. Моя сила потеряна, броня разрушена, и я снова ощущаю себя уязвимой.

— Корова! — зло бросает мне подвыпивший придурок с бутылкой, которого полицейские заставили вместе с дружками отойти за ленту.

Ядвигаюсь к машине нетвердой походкой. У меня перехватывает горло, руки трясутся, ладони потеют, словно от адского пламени, а щеки горят.

Черт. *Черт!*

* * *

Мир пожарных и спасателей — это мужской клуб, где женщин не воспринимают всерьез. Да, девчонки могут дистанционно участвовать в ликвидации огня: они трудятся у нас диспетчерами и психологами или, например, присоединяются к добровольным дружинам в чрезвычайных ситуациях (чаще всего в качестве водителя или «на насос» — контролировать подачу воды). Но никто не допустит их к тушению пожаров на службе. Даже трудовой кодекс запрещает использовать женский труд в опасных профессиях.

Я — исключение. Настоящая девушка-пожарный. На полную ставку. Выпускница единственной в своем роде экспериментальной группы, созданной по поручению самого главы министерства. Не знаю уж, что там тогда на него нашло, но он решил обучить и устроить на службу аж восемь девиц. И мы одни такие в своем роде. На всю страну. Избранные. «Почелованные огнем» — как любят шутить мои сокурсницы.

И нам до сих пор тычут пальцами в спину, о нас шепчутся и провожают оценивающими взглядами. Мы круглый год под пристальным наблюдением всевозможных комиссий, как будто они только и ждут, что одна из нас оступится и можно будет признать эксперимент неудавшимся. Но хрена с два я дам им

такой повод! Ясно? И ни одна из моих боевых подруг, несущих службу в разных уголках страны, тоже не подведет — мы знали, зачем идем в пожарные, прошли через многое ради этой мечты, и я уверена в каждой из них, как в самой себе.

Самое смешное в том, что женщине, получившей образование в академии, формально можно руководить тушением пожаров. Даже если она физически никогда не приближалась к огню. А выезжать на тушение в составе пожарного расчета — нельзя. И таких парадоксов море. Например, к нам не берут с татуировками, но если уже служишь, то никто не запретит тебе забить хоть половину тела. Однажды к нам с проверкой явилась инспектор: в короткой юбке и здоровенными тату на ляжках. Многие восприняли это как сигнал к действию: руководство теперь более лояльно и границы допустимого стали шире.

Так что вот. Согласно правилам, на службу нельзя пирсинг, татуировки, бороду, длинные волосы, а еще *девушек-пожарных*. Ха-ха.

Но отставим шутки в сторону и подытожим.

Меня зовут Ева, я — пожарный, и для меня каждый день на службе как вызов. Я не спорю с командой и начальством, а ежеминутно доказываю делом, что могу все, ведь результат громче любых слов. Ребята из моего расчета доверяют мне свои жизни, и на меня всегда можно положиться. Слабый пол — это прогоревшие доски, а я делаю все, чтобы о другом толковании мои коллеги даже не вспоминали.

— Пардоньте, пацаны! — врываюсь я в душевую на втором этаже нашей пожарной части, где с десятков голых мужиков принимают душ. — Забыла «крабик».